

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ВЫШКА ДЛЯ БИЗНЕСМЕНА

Полковник Гуров

Николай Леонов

Вышка для бизнесмена

«Научная книга»

2012

Леонов Н. И.

Вышка для бизнесмена / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2012 — (Полковник Гуров)

«...Выключив телефон, Гордей высунулся в дверь и зычно крикнул:— Кто там есть?Раздался топот ног по лестнице, и в кабинет вошел какой-то парень.— Толик, срочно отправь машину за Максом и найдите мне Егора – это еще срочнее. Узнай у Вовки подробности и вперед. Всех обзвони и попроси проследить за вокзалом, аэропортом, автостанцией и так далее... Сам знаешь, учить тебя не надо. Дома у него засаду оставь – он подорваться собирается, так что за бабками обязательно придет. Учти, Егор нужен мне живой, а вот здоровый или нет, уже неважно.Парень недоуменно уставился на шефа, а потом неуверенно и осторожно спросил:— Ссучился наш Егорушка, что ли?— Не твоего ума дело! – взорвался Гордей.— Значит, ссучился, – тихонько сказал парень и, быстро шмыгнув за дверь, успел закрыть ее за собой до того, как о нее разбилась тяжелая хрустальная пепельница...»

© Леонов Н. И., 2012

© Научная книга, 2012

Николай Леонов, Алексей Макеев

Вышка для бизнесмена

Полковник милиции – точнее, теперь уже полиции – Лев Иванович Гуров проснулся, но глаза открывать не спешил. А что? Имел право поваляться в свой выходной день. Не так-то часто они у него и выпадали. Он прислушался к своим ощущениям, и они ему категорически не понравились – во рту вкус стоял такой, словно он портянки жевал, в левом боку поселилась непонятная тупая боль, плюс ко всему явно была, пусть и небольшая, но температура.

А объяснение всему этому было очень простое: вчера в пятницу его жена Мария Строева, между прочим, народная артистка России, правда, больше известная, как театральная актриса, хотя и в кино она не без успеха снималась, в ультимативной форме потребовала, чтобы он выполнил свой супружеский долг, и имелся в виду совсем не секс. Он должен был явить себя народу, то есть забрать ее со съемок.

– В конце концов, есть у меня муж или нет? – ласково поинтересовалась она.

Требование было законным – не так-то часто они вдвоем где-то появлялись, и он согласился.

День на службе у него выдался суматошный – в писанине погряз, потому что чем выше у человека должность, тем больше ему приходится оформлять документов, но он поднапрягся и успел к жене вовремя. И попал на сабантуй как раз по поводу окончания этих самых съемок.

Гуров до смерти не любил все эти мероприятия, но увезти жену немедленно не мог, чтобы не лишать ее удовольствия в очередной раз искупаться в лучах славы, обожания, восхищения, а также самой черной зависти и лютой ненависти. Что делать? Это их мир со своими закидонами. Спиртное лилось рекой, а вот с закусью было неважно, да и та была родом из соседнего супермаркета – всевозможная нарезка и многочисленные салаты неизвестного года рождения. Ничего не евший целый день, Гуров, зная, что ужина явно не предвидится, пить не пил – за рулем все-таки, – но ел; правда, старался выбирать то, что хотя бы на вид выглядело более-менее свежим. Киношники нещадно дымили, из-за чего все окна были открыты, и его, видимо, просквозило, отсюда и температура – апрель все-таки, не лето же. Вот за все это Гуров теперь и расплачивался.

Привыкший переламывать себя, он встал и пошел в ванную, где, критически осмотрев свое отражение в зеркале, решил, что он еще вполне ничего: ни капли лишнего жира, мускулатура рельефная, на живот и намека нет, а седина мужчине еще никогда не портила.

Чтобы привести себя в норму, Гуров стал, как обычно, делать утреннюю зарядку, и вот настал черед гантелей. Мария, вышедшая из кухни с чашкой кофе в руках, смотрела на него и посмеивалась:

– Старый муж, грозный муж.

– Ну, не такой уж и старый, – добродушно проворчал Гуров.

Отложив гантели, он привычно подхватил жену на руки, и тут его пронзила такая резкая боль, что он застыл, а руки его дрогнули.

– Ну вот. А говорил, не старый! – насмешливо сказала Мария и соскользнула из его рук на пол.

Но тут она увидела побледневшее лицо мужа, его закрытые глаза и сцепленные зубы.

– Гуров... – испуганно прошептала она – таким она мужа еще никогда не видела. Он не отвечал, и Мария позвала громче: – Лев.

– Сейчас все пройдет, – с трудом выговорил тот.

Обхватив себя обеими руками за бока, он стоял, согнувшись пополам, и с трудом сдерживался, чтобы не застонать. Он не боялся самой боли – бывал ранен, и не раз, да и битым довольно сильно тоже бывал: его пугало то, что он не мог понять природу этой боли.

– Гуров! – скатываясь в истерику, заорала Мария. – Немедленно скажи, что с тобой! – И, не получив ответа, предположила: – Это сердце. Тебе нужно немедленно лечь.

Гуров понимал, что лечь ему действительно необходимо, но малейшее движение вызывало дикую боль, и он продолжал стоять, прислушиваясь к себе. Мария же металась по квартире в поисках валидола или нитроглицерина, но сообразив, что у них в доме такого никогда не водилось, а когда до нее наконец дошло, что занимается она заведомо бесполезным делом, побежала к соседям. Обычно она не переступала порог дома, не приведя себя в порядок – работа обязывала всегда выглядеть отлично, но сейчас ее это волновало в самую последнюю очередь. Пока ее не было – Гуров не хотел, чтобы она видела его таким ослабевшим, он потихоньку, постанывая сквозь намертво стиснутые зубы, добрался до кресла, скорчившись и по-прежнему обхватив себя руками, застыл.

От соседей Мария вернулась и с валидолом, и с нитроглицерином. Увидев Гурова в кресле, она взорвалась:

– Супермен чертов! Ты что, не мог подождать, пока я вернусь? Нет, ему нужно все и всегда самому делать. Мы же люди гордые и ничьей помощи не приемлем.

Она попыталась засунуть мужу в рот обе таблетки сразу, но из этого ничего не вышло. Наконец, сообразив, что нужно делать, она бросилась к телефону и вызвала «Скорую», а потом, пользуясь его беспомощным состоянием, хоть он и пытался протестовать, позвонила Орлову и Крячко – к кому же обращаться за помощью в трудную минуту, как не к давним и испытанным друзьям?

«Скорая» приехала на удивление быстро. Пожилой врач посмотрел на Гурова темными печальными глазами поверх сидевших на носу очков и потрогал лоб. Потом он, несмотря на сопротивление Льва Ивановича, помог ему добраться до дивана, лечь на спину и без всякого предупреждения легонько стукнул его по левому боку – боль тут же пронзила Гурова так, что крика сдержать он уже не смог.

– Да что вы делаете? – взвилась Мария. – Вы коновал или врач? Ему же больно!

Врач посмотрел на нее поверх очков и сказал:

– Мадам, не морочьте мне голову. Я же не учу вас, как читать монологи, вот и вы не вмешивайтесь. – Узнал, значит.

– Но вы хотя бы можете сказать, что с ним? – не унималась Мария.

– Могу. Поджелудочная. А эта дамочка одиночества не терпит. И ходит она исключительно под ручку с желчным пузырем. Они очень любят друг друга. Это я вам доступно объясняю, чтобы не забивать голову медицинской терминологией.

– Что же делать? – растерялась Мария.

– Ехать в больницу, что же еще? – пожал плечами врач. – Приступ я, конечно, и здесь сниму, но вот анализы сдавать, обследование проходить и серьезно лечиться ему нужно уже в стационаре. Так что соберите мужу самое необходимое на первое время, а остальное потом привезете.

– Не поеду, – процедил сквозь зубы Гуров.

– Геройствуете, молодой человек? – укоризненно спросил врач. – Напрасно. В вашем возрасте это уже признак не ума и доблести, а глупости.

– Гуров, может быть, тебе все-таки лучше лечь в больницу? – спросила Мария.

– Мне лучше знать. Я дома отлежусь, – не сдавался тот.

– Хорошо. В конце концов, это ваше здоровье и ваша жизнь, – поняв, что настаивать бесполезно, согласился доктор. – Распишитесь вот здесь, что вы отказываетесь от госпитализации, но учтите, что с этой «сладкой парочкой» шутки плохи.

С трудом отлепив от тела правую руку – ему казалось, что когда он себя вот так обнимает, ему все-таки немного легче, – Гуров расписался.

– А теперь предъявите мне вашу филейную часть, и я вам укол сделаю, – потребовал врач.

– А без этого никак? – Не то чтобы Гуров боялся уколов, но кто же их любит?
– Молодой человек, вы кем работаете? – спросил врач.
– Сыщик я, – прошептал Лев Иванович.
– И звание имеете?
– Он полковник, – вместо Гурова ответила Мария.
– Тогда давайте, господин полковник, я вас сейчас начну учить, как ловить преступников, – предложил врач. – Вы меня слушать будете или сразу к черту пошлете? – И потребовал:
– Предъявите мне любое ваше полужопие.

К чести врача надо сказать, что укола Гуров даже не почувствовал – или его заглушила более сильная боль?

– Вы скажите, что ему нужно, я все сделаю! – попросила Мария.
– А что тут делать? Рецепт простой: холод, голод, покой. Не жрать, как сказала Майя Плисецкая, правда, по совсем другому поводу. Диета строжайшая, но уж никак не тощие салатики, которыми вы фигуру бережете. Это должна быть полноценная еда. Но это вам уже лечащий врач в поликлинике объяснит. Его? – спросил врач, кивая на гантели.

– Да, каждое утро с ними занимается, – объяснила она.
– Пусть забудет! – категорично заявил врач.
– Но от спорта еще никому никакого вреда не было, – возразила Мария.
– Мадам! Если бы от спорта была хоть какая-нибудь польза, на каждом турнике висело бы по пять евреев. Уж вы мне поверьте, – хмыкнул врач и спросил у Гурова: – Вам полегче?

Боль действительно немного отпустила, и Лев кивнул.

– Тогда я уезжаю с нечистой совестью, потому что в больницу вас все-таки надо было забрать. – Он поднялся. – И учтите, господин полковник, что звезды хороши на небе и погонах, но никак не на могиле, куда вы торите себе дорожку семимильными шагами. Так что о госпитализации вы все-таки подумайте. А сейчас самое лучшее, что вы можете сделать, это вызвать врача из своей поликлиники.

С этими словами врач из «Скорой» ушел. Проводив его, Мария вернулась и, подкатив к дивану кресло, села и стала уговаривать мужа:

– Гуров, тебе действительно нужно лечь в больницу. – На это он только перекинулся. – Ты решил оставить меня вдовой? – перешла она в наступление. – Нет, черное мне всегда шло, но мне категорически не хочется надевать его раньше времени.

Она говорила что-то еще, но полковник ее уже не слушал, а наслаждался тем неописуемым ощущением, когда чувствуешь, что боль уходит. Но вот долго поблаженствовать ему не дали – раздался звонок в дверь. Крячко тут же появился в комнате, сел в кресло, откуда только что встала Мария, и не удержался от того, чтобы не подколоть – впрочем, это была его обычная манера разговаривать.

– Что-то рано ты, Лев Иванович, сдавать начал.
– Между прочим, некоторые всего на четыре года моложе меня, – буркнул Гуров. – А судя по тому, что Мария задержалась в коридоре, она там сейчас Орлову ябедничает?
– О твоей проницательности в управлении легенды слагают, о великий! – Стас воздел руки к потолку.

– И великие тоже смертны, – заметил Орлов, появляясь в комнате. – Собирайся в госпиталь, Лева. И это не обсуждается, – категорично заявил он.

Гуров пытался протестовать, но на это никто даже внимания не обратил: Мария бросилась собирать ему сумку, Крячко ей помогал, а Орлов решал организационные вопросы по телефону.

А Лев Иванович смотрел на них и по-стариковски размышлял о том, как же быстро пролетело время. Ему вспомнилось, как он впервые появился в МУРе, где встретил сначала Орлова, а потом и Крячко. И совсем не друзьями они тогда были. Петр Николаевич Орлов,

самый старший из них троих, считал Леву выскочкой и любимчиком начальства, то есть Константина Константиновича Турилина, и относился, мягко говоря, прохладно. Станислав же Васильевич Крячко, пришедший на Петровку из района, Гурова просто ненавидел, потому что тот – а именно от него зависело повышение Стаса до старшего группы – больше года держал его в операх, и, если бы сейчас Льва Ивановича спросили, почему он это сделал, он вряд ли смог внятно ответить. Так что очень непросто складывались поначалу их отношения, но вот сначала притерлись как-то, потом подружились и не раз прикрывали друг другу спину, а Орлов, так тот стал для них просто отцом родным и постоянно защищал перед начальством, вытаскивая из таких переплетов, что страшно даже вспомнить. Да-а-а, постарели они... Да и Мария уже не та, что была когда-то. Конечно, на людях она держится, как ей по должности и положено, но вот фигура, как ты за ней не следи, поплыла... Возраст. И дома она уже больше в тапочках шлепает, а туфли на каблуках, которые когда-то постоянно носила даже в квартире, так и стоят, дожидаясь особо торжественных случаев. Сейчас, когда она как очумелая курица носилась по квартире, собирая даже то, что мужу в принципе не могло понадобиться в больнице, ее лицо было совсем не гордым и надменным, а обычным бабьим, хоть и очень красивым.

Конечно, Гуров еще попытался побрыкаться, пытаясь отбиться от больницы, но больше для порядка, потому что по здравом размышлении сам не то чтоб испугался, а несколько растерялся, почувствовав неожиданный сбой в своем организме. В результате он прибыл в госпиталь с почетным эскортом, который больше напоминал конвой.

И потянулись больничные дни, заполненные уколами, таблетками, системами и прочими малоприятными, но, как оказалось, необходимыми вещами. Ежедневно навещавшая мужа Мария (честно говоря, никогда особо не умевшая готовить) срочно осваивала такие премудрости, как паровые котлеты, белковый омлет и далее по оглавлению книги «Диетическое питание» забытого года выпуска, выданную ей во временное пользование женой Стаса и взявшую страшную клятву обязательно вернуть, потому что жена Крячко и сама понимала: недалек тот день, когда и ее мужу все это понадобится – ну, откуда взяться здоровью при их ненормированной и ненормальной работе?

То, что получалось у Марии, Гуров один раз попробовал в ее присутствии, а потом благоразумно откладывал в сторону, обещая съесть попозже, чтобы сейчас не тратить драгоценное время свидания на такую прозу жизни. С тех пор несколько бездомных собак, живших на территории госпиталя и целыми днями крутившихся около дверей кухни, при виде Гурова мгновенно поджимали хвосты и с искусством ниндзя растворялись в воздухе – попытки скормить им шедевры кулинарного искусства Марии успехом не увенчались: ЭТО не смогли съесть даже они. Мария приезжала днем, выкраивая время между репетициями и спектаклями, зато вечером приезжал Крячко, и тут-то Гуров отъедался – кто-кто, а жена Стаса готовила отменно.

– Ты лечись давай, – говорил Крячко. – А то ведь, как выпишешься, да как на Машину готовку сядешь, тут тебе и будет вилка: или помирать голодной смертью от ее стряпни, или к пельмешкам возвращаться, чтобы прямиком к язве желудка топать. – Стас не хуже Гурова знал, какой из Марии шеф-повар.

Незадолго до выписки приехавший к Гурову Орлов, как о деле совершенно решенном, сказал:

– Прямо отсюда к тебе домой за вещами, а потом в санаторий, наш ведомственный, здесь, в Подмосковье.

– И это тоже не обсуждается? – возмутился Гуров.

– Правильно службу понимаешь, – подтвердил Петр Николаевич и объяснил: – Ты мне, да и всем нам, здоровый нужен.

– Можно подумать, что самому себе я нужен больной, – буркнул Лев Иванович.

– Вот и не ерпенься! – удовлетворенно заметил Орлов, поняв, что Гуров сдался.

– Хорошо. Я не возражаю, но поеду лучше к Воронцову, – предложил Лев Иванович. – У них там минералка своя природная, а не привозная, от которой толку уже никакого нет. Да и от Москвы подальше.

– Думаешь, что я тебя здесь кому-нибудь дергать позволю? – возмутился Орлов.

– Сам дергаться буду, как услышу о каком-нибудь новом деле. А там тишь, гладь да божья благодать, – мечтательно произнес Гуров.

– Да уж. Воронцов тебя с фанфарами встречать будет, – хмыкнул Орлов. – Если бы не ты, то он в лучшем случае без звезды остался, а в худшем – на выход с вещами.

– Да, громкое было дело, – заметил Лев.

– Теперь говорят, резонансное, – покивал Петр Николаевич.

– Не люблю я эти новомодные словечки, – поморщился Гуров.

– А кто их любит? Мода нынче такая пошла: ни слова по-простому, а все с выпендреем.

Ну, так я Юрке позвоню, чтобы готовился? – спросил Орлов.

– Звони и предупреди, чтобы парад-алле не устраивал, – попросил тот.

– Сказать-то можно, но вот послушает ли?

– Это вряд ли. – И это было одно из любимых выражений Гурова.

Генерал-майор Юрий Федорович Воронцов был, говоря по-старому, начальником управления внутренних дел Белогорской области, не самой большой, но и не самой маленькой в России, так, средней. Разделенная надвое рекой Волгой, она располагалась на границе с Казахстаном, что создавало работникам правоохранительных органов дополнительные трудности: погранпосты и таможня, конечно, само собой, но они стоят на магистралях, а для знающих людей и проселочных дорог с тропками достаточно, чтобы незаметно шмыгать туда-обратно. Вот по делу ОПГ, которая по-крупному промышляла разбоями, а потом утекала отсидеться на сопредельную территорию, Гурова и командировали в Белогорск два года назад, когда в Москве решили, что собственными силами Воронцов не справится, и его судьба, точнее, служебная карьера, висела на волоске.

Собирая чемодан, Гуров терпеливо и вяло отбивался от Марии, которая, хоть муж никогда ей повода ревновать и не давал, решила проявить бдительность и всячески предостерегала мужа от любых поползновений от походов на сторону.

– Марья! – не выдержав, рявкнул Гуров. – Я что, никогда в командировки не ездил?

– Так то командировки. А сейчас в санатории один без присмотра – мало ли что тебе в голову взбредет от безделья? – подозрительно спросила она.

– Ты всерьез думаешь, что у тебя может быть соперница? – вскинул брови Лев.

– Еще чего! – фыркнула она. – Соперница! Конечно, нет. Но так, легкий флирт, плавно перетекающий в интим...

– И когда же ты так поглупеть успела? – удивился полковник.

Мария возмущенно пожала плечами и вышла из комнаты, а Гуров присел на кровать и задумался: «Да нет, не поглупела. Постарела, как и все мы. И как и любая баба, боится за своего мужика – не дай бог, уведут. Как тогда одной век вековать? Любителей провести время с известной артисткой – пруд пруди, а вот жить вместе? Это вряд ли. Тем более что характер у нее нелегкий, да и работа такая, что мало кто ее рядом с собой долго выдержит». Гуров подошел к зеркалу и критически посмотрел на себя: он за время болезни похудел, но, как ни странно это прозвучит, посвежел, отоспался, да и нервы никто не дергал. «А я еще вполне ничего! – посмеиваясь, подумал он. – Высок, строен и на лицо не урод». Он собрался было пойти к жене, чтобы успокоить ее, но передумал – и ценить больше будет, и может, наконец-то готовить научиться. Но это вряд ли.

Гуров нимало не сомневался, что Орлов просил Воронцова не устраивать цирковое представление из его приезда в Белогорск, да и сам он, когда звонил Юрию Федоровичу, чтобы

сообщить номер рейса и дату прилета, тоже просил не выпендриваться, но, как оказалось, Воронцов все-таки устроил ему парадный выход шахиншаха.

Для начала это был служебный «Мерседес» генерала с мигалкой и всем остальным, что к его должности прилагалось, поданный прямо к трапу, по которому стюардесса сопровождала Гурова следом за экипажем. Внизу его уже ждал с распростертыми объятиями сам Воронцов, слава богу, что не в парадной форме.

– Ну, Лев Иванович, с приездом тебя. Здорово, что ты в наши Палестины выбрался. Люкс в нашем санатории тебя уже дожидается, и все там предупреждены, так что отношение к тебе будет самое-самое. Но для начала ко мне, а то жена вторые сутки жарит-парит, дорогого гостя ожидаючись.

– Спасибо, Юрий Федорович, только у меня сейчас такое состояние, что в приличном доме за столом мне делать нечего, только сидеть, облизываться, да остальным людям аппетит с настроением портить, – стал отказываться Гуров.

– Знаю, Орлов предупредил. Только моя дражайшая половина по всяким диетическим блюдам большой спец – я же сам только года полтора как свою язву вылечил, – похвалился он. – Она, подлая... Язва, конечно, не жена. Так вот, она у меня как после той истории обострилась, так житья не давала – от боли на стенку лез. Тоже не хуже тебя у друзей за столом сидел и слюнки глотал. А теперь лопаю от пуза все, на что глаза глядят.

– Ваша вода? – с надеждой спросил Лев Иванович.

– Она самая, – покивал Юрий Федорович. – Да и травница одна помогла – есть у нас в области такая старушка. Прямо чудеса творит.

За этим разговором они доехали до дома Воронцова, где их уже ждал накрытый стол, ножки которого только что не подламывались под тяжестью всевозможных блюд.

– Вы, Лев Иванович, не волнуйтесь и ешьте все, что понравится, – уговаривала Гурова жена Воронцова. – Хоть Юра уже и вылечился, но старых навыков я не растеряла. Здесь вам ничего не повредит.

А все было действительно очень вкусно. Гуров ел и только удивлялся, что без специй и на пару можно приготовить такое объедение. Хлопнула дверь.

– Вот и мой полунаследничек объявился, – сказал Воронцов и позвал: – Федька, иди сюда. Я тебя буду самому Льву Ивановичу Гурову представлять.

– Почему «полу»? – удивился Гуров.

– Потому что надеялся, что он по моим стопам пойдет, а он в адвокатуру подался. Предатель, получается, – посмеивался Воронцов.

– А ты бы, отец, поменьше дома о своей работе рассказывал, глядишь, и поверил бы я в непорочность следствия. А так, извини! – сказал вошедший парень.

За столом разговор шел обо всем понемногу, а когда мужчины встали и хозяйка принялась убирать со стола, чтобы подать чай, Воронцов позвал всех к себе в кабинет.

– Вот полюбуйся, Лев Иванович! – сказал он, протягивая Гурову альбом. – Это Федькин выпуск.

Гуров не был большим любителем семейных архивов, если это не требовалось по ходу расследования какого-нибудь дела, и стал смотреть исключительно из вежливости. Он перелистывал страницы, когда вдруг из альбома выскользнул один большой снимок, который из-за размера не помещался в файл и был туда просто вложен. На фотографии Лев Иванович увидел стоявших в несколько рядов выпускников, причем среди парней, которые, как обычно, стояли на заднем плане, была одна очень красивая девушка с толстой косой, перекинутой через плечо на грудь.

– Что же вы ее туда поставили? – удивился он.

– А! Это Ленка Ведерникова, – заглядывая через плечо Гурова, сказал Федор. – Только она у нас такая крупенькая, что в передних рядах ей не место – всех собой заслонит.

– Да, габариты у нее богатырские, – согласился Гуров. – А рядом с ней кто? Кого-то он мне напоминает.

– Димка Щербаков, – сказал Федор.

– Николая Ильича сын, – добавил Воронцов.

– Это который председатель областного суда? – уточнил Гуров.

В свой прошлый приезд он проторчал тут два месяца и за это время успел со всеми перезнакомиться.

– Он самый. Это же надо, какое горе у мужика. Сам-то он со всех сторон нормальный, а вот с сыном не повезло, – поморщился Юрий Федорович.

– А что случилось? – исключительно из вежливости поинтересовался Гуров.

– Да ориентация у него нетрадиционная, – объяснил Воронцов.

– То есть совсем-совсем нетрадиционная, – усмехнулся Федор. – Он у нас весь такой плавный и нараспев.

– Пассивный, что ли? – уточнил Гуров.

– Вот именно, – подтвердил Федор. – И написано это у него на лице такими большими буквами, что просто в глаза бросается. Мы это еще на первом курсе поняли, ну и начали его сторониться. Девчонки его тоже не жаловали из-за полнейшей бесперспективности, а Ленка его жалела. Вот они все годы так и просидели вместе, и ходили за ручки взявшись, как шерочка с машерочкой.

– Николай обрадовался, когда они подружились, – сказал Юрий Федорович. – Хотел их даже поженить – все сраму меньше, а так хоть приличия будут соблюдены, да Елена отказалась. Объяснила, что Митенька хороший и добрый, но она нормальную семью хочет и детишек побольше. Так его родители ее вместе с сынком своим непутевым все равно на все мероприятия таскали: концерты, презентации и все такое.

– Конспирация? – усмехнулся Гуров.

– Она самая, – покивал ему Воронцов.

– Наши девчонки завидовали, что она среди таких людей вращается, а она только отмывалась, – пояснил Федор. – Ленка у нас вообще такая, домашняя. Ей бы все шить, вязать, вышивать да готовить. Когда она нам в первый раз свои пирожки принесла, так мы из-за них чуть не передрались.

– Редкость по нашим временам, – заметил Гуров.

– Так она из деревни. Здесь у какой-то дальней родни жила, так те за ней бдили изо всех сил, в девять часов вечера, чтоб дома была, – продолжал Федор. – Митьку, правда, привечали и с ним выходить позволяли.

– Только защитник из него никакой, – заметил Гуров.

– Так у него же машина с водителем, он же охранник, а то с Митькиными замашками по морде схлопотать – как нечего делать, вот отец и позаботился, – заметил Воронцов-старший.

– То есть Елена человек для студенческой жизни окончательно и бесповоротно потерянный, – констатировал Лев Иванович. – Но волосы осветлить они ей все-таки позволили.

– Да она от природы такая, – сказал Федор. – На фотографии не видно, но они у нее совсем белые, а на солнце серебром отливают. Красота неопишная. Никогда и ни у кого таких волос не видел. Наши девчонки пытались в такой цвет покраситься, да не вышло. Так-то она с косой обычно ходила, но когда ее вокруг головы наподобие короны закручивала, то вид был просто царственный. У нас кавказцев полно было, так они при виде нее тут же начинали копытотом бить и только что не ржали.

– Да, они блондинок любят, – хмыкнул Гуров.

– Ладно бы просто блондинок, но у нее же еще и формы такие... Рубенсовские. – Федор руками показал ее фигуру. – А косметики – ноль, и брови с ресницами – ей-богу, ну, как у коровы, длиннющие, только черные. Да и сама Ленка, что называется, кровь с молоком. Только

после того, как она одному особо ретивому джигиту руку, которой он ее приобнять попытался, сжала так, что он аж присел, они на нее только издалека любовались.

– Силушка по жилушкам? – усмехнулся Лев Иванович. – Не удивлюсь, если она была чемпионкой института по всем возможным видам спорта.

– Да вы что! – рассмеялся Федор. – Зрелище было жалкое до слез.

– А руки? – напомнил Гуров.

– Мы тоже удивились, а она объяснила, что коров с детства доила, вот они такими сильными и стали. А из-за этой ее косы такая пакостная история приключилась...

– Кто-нибудь из девушек из зависти обрезал? – попытался угадать Лев.

– Да нет, – отмахнулся Федор. – Коса-то тогда почти до колен была. Девчонки, когда ее насчет цвета волос спрашивали, так как узнали, каково такую гриву мыть, жалеть ее начали, а не завидовать. Это же мука мученическая. Нет, это не девчонки, это гад у нас один был, Гришка Одинцов.

– Отец у него мужик стоящий, директор завода и депутат областной думы... – пояснил Юрий Федорович.

– А с сыном не повезло, – закончил Гуров.

– Так поколение такое выросло, – с горечью заметил Воронцов. – Только отец с Гришкиной матерью давным-давно развелся и теперь на другой женат, двое детей у них. Сына он, конечно, в институт запихнул, но на том руки и умыл – я, мол, свое дело сделал.

– Гришка вокруг себя всякую шантрапу собрал и начал куролесить. С теми, кто за себя постоять мог, не связывался, а вот тех, кто попроще, постоянно задирали, – рассказывал Федор. – Это еще на первом курсе было. Он, паразит, в тот день клей «Момент» на лекцию принес и сел сзади Ленки. Ну и налил его так, чтобы коса к сиденью прилипла. Лекция кончилась, Ленка хочет встать, а коса не пускает. Они с Митькой тогда уже дружили и сидели рядом. Вот он вокруг нее и скакал, только что руки не заламывал, а Гришка со своими обормотами ржал как ненормальный, от хохота только что не покатывался: мол, деревенщину учить надо, к цивилизованной жизни приобщать. Ну, принесли ножницы и остороженько так отрезали волосы от сиденья.

– Представляю себе, сколько реву было, – покачал головой Гуров.

– Да нет, Ленка нормально держалась, это больше Митька истерил. А потом, когда они в коридор вышли, Ленка к Гришке подошла и, ни слова не говоря, так ему по зубам въехала, что покатылся он уже в буквальном смысле этого слова. Мы все дар речи потеряли, а она повела богатырским плечиком и просто объяснила: «Четыре брата», – и гордо удалилась в сопровождении верного Митьки. А Гришка встал и два передних зуба выплюнул. Кстати, после этого случая у него прозвище появилось – Мясорубка, между прочим, с легкой Ленкиной руки, потому что отец на нормальные зубы Гришке денег не дал, вот и пришлось ему дешевую нержавейку вставлять.

– Последствия были? – посмеиваясь, спросил Гуров.

– У Ленки? – удивился Федор. – Да какие же последствия, если Митька тут же отцу нажаловался? Хотя...

– Гришка отомстил? – догадался Лев Иванович.

– Попытался, – поправил его Федор. – Это уже в летнюю сессию было. Сдали мы все зачеты и решили после последнего это дело немного отметить. Ленка пирожков притащила, мы слабенькую кислятину купили, чтобы по-тихому в аудитории посидеть. Ну, Ленка человек совсем непьющий, да и Митька не любитель, так что они скоренько отвалили вдвоем, а мы остались. И двух минут не прошло, как слышим: из коридора шум и крики, причем это Митька орал дурным голосом. Мы выбежали, конечно, а там Гришка с компанией, обдолбанные в хлам, на Ленку навалились. Чего уж они хотели – изнасиловать или избить, – я не знаю, но отбивалась она изо всех сил. Ну, мы этих подонков раскидали, смотрим, а Митька на полу лежит, стонет и

за руку держится – как потом оказалось, сломали они ему ее. А Ленка ничего, только в синяках и кофточка порванная, она больше ее жалела, говорила, что цветы на ней несколько недель вышивала и специально на последний зачет надела.

– Мне почему-то кажется, что Гришке это просто так с рук не сошло. Отчислили? – спросил Гуров.

– Это потом, но сначала мы Ленкиных братьев в деле увидели. – Федор невольно рассмеялся. – Представляете, Лев Иванович, четыре кирпича на ногах... Нет, железобетонные плиты перекрытия, – поправился он. – Причем что по форме, что по содержанию.

– То есть? – удивился Гуров.

– А выражение лица у них было такое же, – Федор постучал по стене, – железобетонно-невозмутимое. Мы после консультации из института вышли, а там среди иномарок навороченных такой неприметный грузовичок с тентом стоит. Вот оттуда они степенно и вышли. Я вам так, Лев Иванович, скажу, это была не драка, это было месилово. Отделали они Гришку с компанией как бог черепаху. А поскольку они и Митьке руку сломали, то...

– Благодарность от имени ректората им не вынесли, но с рук им это сошло, – закончил за него Гуров.

– Вот именно, – подтвердил Федор.

– Ну и где сейчас Елена? – из чистого любопытства спросил Лев.

– В нотариат подалась, – ответил Федор.

– Не без помощи Щербакова-старшего, – добавил Воронцов. – Ведь, чтобы туда устроиться, денег недостаточно, надо еще и связи неслабые иметь. Ты, Федька, найди ее да созвонись – нужно будет ее со Львом Ивановичем познакомить, а там уж пусть сами договариваются.

– Юрий Федорович, ты случайно не забыл, что я человек женатый? – обалдел Гуров.

– Так я, Лев Иванович, склерозом пока не страдаю. Только это именно Ленкина бабушка мне язву и вылечила. Травница она, – объяснил Юрий Федорович. – Только к ней запись за черт знает сколько времени, а через Елену ты к ней быстрее попадешь. А ты что подумал? Что я собираюсь тебя на время отпуска постельными принадлежностями обеспечить?

– Извини, Юр, – покаянно сказал Гуров.

– Ну, ты даешь, Лев Иванович! – Воронцов аж головой покрутил. – Неужели ты решил, что мы так подробно тебе о Елене рассказываем, потому что нам больше поговорить не о чем? Только если ты один к бабке явишься, то придется тебе к ней через месяц, а то и через два снова ехать, а если вместе с Леной, то, глядишь, в тот же день примет, ну, может, на следующий.

– А ты сам не можешь с этой травницей связаться? – спросил Гуров.

– Можешь, – кивнул Воронцов. – Только бабка с бо-о-ольшим гонором, и я для нее не авторитет. К ней на поклон о-о-очень солидные люди ездят, а она может взбрыкнуть, если что не по ней, и любого из них послать куда подальше. А они, заметь, не обижаются, а извиняются и прощения просят.

– Милая старушка, – заметил Лев Иванович.

– Просто она себе цену знает, – веско заметил Воронцов.

– И далеко она живет? – спросил Гуров.

– Вместе с Ленкиными родителями, то есть в той же деревне, но в отдельном доме. У Задрипкиных там фермерское хозяйство, крепкое такое, богатое. Они вообще мужики работающие, непьющие, да и жены им под стать. Они и детей сызмала к сельскому труду приучают.

– Задрипкины? – удивился Гуров.

– Ну да. Ленкина мать, когда замуж выходила, свою фамилию оставила, а потом и дочку на нее записала. Ну, какая у девчонки может быть жизнь с такой фамилией? Вот и получилось, что все мужики в семье Задрипкины, а женщины – Ведерниковы, – объяснил Юрий Федорович. – Только Ленка ужасно стесняется такой фамилии и никому ее не говорит. Ну а мне это узнать, сам понимаешь, дело пяти минут. Так что лечись, Лев Иванович, пока в санатории, пей

воду, а поближе к концу Федор с Еленой договорится, и ты с ней к бабке ее съездишь – все равно ведь не будешь ты сам себе травы заваривать, тем более еще и не дома. А вот в Москву с собой пакет заберешь и инструкции, что и как делать.

«Можно подумать, что Мария будет этим заниматься», – мысленно хмыкнул Гуров.

В санаторий, который находился в пригороде, Льва Ивановича Воронцов отвез, если так можно выразиться, собственноручно, причем на своей личной машине, а его служебная ехала следом.

– К чему все эти выкрутасы? – удивился Гуров.

– А мало ли, что тебе в городе понадобится, вот я тебе свой джип по доверенности на это время и оставляю, – объяснил Юрий Федорович.

Как Гуров не отнекивался, но Воронцов настоял на своем, да откровенно говоря, и отнекивался Лев Иванович больше для проформы, потому что при мысли о том, что нужно будет целыми днями торчать на одном месте, пить водичку, принимать ванны и все такое прочее и тихо беситься от безделья, ему заранее становилось тошно, а так хоть можно будет съездить куда-нибудь.

Как очень скоро выяснилось, было не просто плохо, а очень плохо. Начать с того, что весь персонал исподтишка таращился на Гурова как на чудо морское, но тут же отводил глаза, стоило ему посмотреть в их сторону. Но с этим еще можно было как-то смириться, а с отдыхающими что делать? Как это обычно бывает в не сезон, основной контингент составляли ветераны, инвалиды и прочие льготные категории. Занятые своими болячками, на Гурова они просто неодобрительно косились – раз живет в люксе, значит, классовый враг. Да к несчастью, среди отдыхающих было несколько одиноких женщин балъзаковского возраста, которые принялись испытывать на прочность если не преданность Гурова жене – он ей никогда не изменял и впредь не собирался, то уж его терпение – точно. Они подходили, знакомились и заводили разговор ни о чем. Воспитанный так, что нахамить женщине не мог просто физически, Гуров старался максимально вежливо отделяться от навязчивых собеседниц, но это их не останавливало. Ходить гулять в слякотную погоду под морозящим дождем – удовольствие ниже среднего, да и не будешь же этим заниматься целый день. Библиотека в санатории была скромненькая, так что о том, чтобы убивать время за чтением, тоже пришлось забыть. Оставалось тупо сидеть в своем номере и пялиться в телевизор, который, как ему и положено, показывал всякую муть. Гуров считал дни до отъезда, проклиная себя за идиотское желание забраться подальше от Москвы – в своем ведомственном санатории можно было и знакомых встретить, и в преферанс перекинуться, и просто потрепаться на служебные темы: как говорится: на работе – о бабах, с бабами – о работе. Но и это не самое приятное времяпрепровождение долго не длилось – жаждавшие тесного общения с ним женщины стали по вечерам стучаться в дверь, зазывая то на танцы, то еще на какой-нибудь дебильный вечер отдыха, организованный местным массовиком-затейником.

Гуров и Мария созванивались каждый вечер – мысль о возможном скоке вбок собственного мужа явно не давала ей спокойно спать, а тон Льва Ивановича день ото дня становился все мрачнее и мрачнее. Изучившая его за годы совместной жизни и поэтому знавшая, как никто другой, Мария все правильно понимала и наконец, не выдержав, спросила напрямую:

– Осаждают?

– Не то слово, – признался он. – Нет, ну вот ты мне скажи: у женщин осталось еще какое-нибудь, пусть даже смутное, представление о том, что такое стыд и женская гордость?

– Устаревшие у тебя, Гуров, представления о жизни, – усмехнулась Мария и попросила:

– Ты уж держись.

– Врагу не сдастся, – заверил ее верный муж.

– Спокойной ночи, Варяг! – сказала она, и голос ее прозвучал немного жалобно.

Мысль сбежать из этого санаторно-курортного рая все чаще приходила к Гурову, и останавливало его только желание встретиться с травницей – раз уж она Воронцову язву вылечила, то вдруг и ему поможет.

Гуров выдержал десять дней, но после очередной, на этот раз весьма наглой, попытки соблазнить его терпение с треском лопнуло. Он возвращался в свой номер после ужина, когда одна мнившая себя неотразимой дамочка просто проскользнула мимо него в комнату. Ни слова не говоря, Гуров, оставив дверь открытой, вышел в холл, где сел в кресло и стал ждать, когда незваная визитерша покинет его номер. Его трясло от бешенства, и он с трудом сдерживался. Конечно, ему по долгу службы приходилось встречаться с самыми разными женщинами, бывали среди них и те, кто, пытаясь выкрутиться, более или менее искусно старался вовлечь его в любовные, понимай, постельные, игры, но чтобы не преступница, а самая обычная женщина вела себя так нахально – не укладывалось у него в голове. Через полчаса дамочка сдалась, поджав губы и возмущенно дернув плечами, она подошла к Льву Ивановичу, который вопреки воспитанию даже не попытался встать ей навстречу, и процедила:

– Чурбан бесчувственный! Или вы импотент?

Тут Гуров уже не выдержал и, из последних сил сохраняя спокойствие, сказал:

– Моя жена – народная артистка России Мария Строева. Подойдите к зеркалу и найдите между ней и собой десять отличий. Желаю удачи.

Обойдя остолбеневшую дамочку, как неодушевленный предмет, Гуров вернулся в свой номер, и ему стоило большого труда не шархануть дверь. Терпение Льва Ивановича кончилось окончательно. И черт с ним с лечением и травами – здоровье дороже. Лучше уж таблетки глотать, чем себе нервы мотать. Они ему еще на службе пригодятся. Наступил черед воспользоваться джипом Воронцова, который так все это время и простоял на стоянке санатория.

На следующее утро, сразу после завтрака, во время которого все жаждавшие общения с ним дамочки теперь уже просто пожирали его глазами – ну еще бы! Муж самой Марии Строевой! – Гуров поехал в город, и цель у него была только одна: купить билет на самолет и вернуться домой. И чем скорее, тем лучше.

Но за два года в городе произошли кое-какие изменения: центральные авиакассы оказались закрытыми и вместо них в витринах, где некогда красовались плакаты с молоденькими и симпатичными стюардессами, призывавшими пользоваться услугами Аэрофлота, стояли всевозможные туфли – очередной обувной магазин. Складывалось впечатление, что кто-то очень «умный» решил обуть всю Россию во всех смыслах этого слова. Гурову пришлось выяснять, куда перевели кассы, и ехать туда – до аэропорта было далековато. Оставив машину в более-менее пригодном для стоянки месте – все пространство вдоль тротуаров и даже на них было заставлено так, что втиснуться было невозможно, – Гуров отправился на поиски. Ночью прошел дождь, и теперь наконец-то выглянувшее солнышко отражалось на поверхности многочисленных луж, но даже этот подарок природы никак не способствовал улучшению и так вконец испорченного настроения Льва Ивановича.

Он шел, старательно выбирая места посуше, когда вдруг услышал крики о помощи, и, подняв глаза, увидел, как два здоровых мужика тащат к машине всю упирающуюся крупную даму, заломив ей руки за спину.

– Вы чего творите, ироды? – не выдержала какая-то старушка, а вот все остальные, в том числе и мужчины, усиленно делали вид, что ничего не видят и не слышат.

– Отстань, бабка! – огрызнулся один из мужиков. – Это жена моя. Не лезь не в свои дела – целее будешь.

– Да не жена я ему! – крикнула на это женщина.

А ведь и правда не жена, мгновенно понял Гуров: женщина одета очень модно и дорого, а на мужиках одежка явно с вещевого рынка, да и «жигуленок» задрипанный. Подбежав к этой группе, Лев Иванович первым делом вырубил того мужика, что держал женщину за

правую руку, а второй мужик от неожиданности выпустил левую. Отработанным приемом Гуров отбросил женщину в сторону, чтобы не мешала, и приготовился к продолжению схватки, но, получив такой отпор, мужики явно передумали с ним связываться и быстро попрыгали в машину, а один из них пообещал напоследок угрожающим тоном:

– Ну, мы с тобой еще встретимся!

– Молись, чтобы этого не случилось, урод, – недобрым тоном посоветовал ему на это Гуров.

Машина уехала, и, повернувшись, он увидел, что, не удержавшись на ногах, женщина приземлилась прямо в лужу, ее слетевшая шляпка валялась рядом, а она сама, перепачканная с ног до головы, сидела на земле, держась за коленку, щека была поцарапана, а на скуле явно намечался хороший синяк.

– Простите, я не думал, что вы не удержитесь на ногах и так неудачно упадете, но выбирать ведь не приходилось, – извинился Гуров, подходя к ней и протягивая руку, чтобы помочь встать.

Женщина подняла на него ярко-голубые глаза в обрамлении очень длинных черных ресниц под смоляными бровями, а вот волосы у нее были практически белые и, несмотря на скупое весеннее солнышко, отливали серебром.

– Извините, вы Лена Ведерникова? – спросил он, с трудом поднимая ее – девушка была тяжеловата.

– Мы знакомы? – удивилась она.

– Нет, но мне о вас рассказывал Федор Воронцов, когда я смотрел фотографии вашего выпуска, – объяснил Гуров.

– Ах, Феденька! – обрадовалась она и принялась осматривать себя – картина была плачевная.

– Позвольте представиться: полковник полиции Лев Иванович Гуров, – сказал он и предъявил ей удостоверение.

– Тот самый? – От удивления она даже рот открыла.

– Наверное, – усмехнулся он. – О других Гуровых в нашей системе мне слышать не приходилось. – И предложил: – Давайте я вас домой отвезу. Куда бы вы ни шли, но в таком виде вам лучше вернуться.

Лев Иванович повел ее, сильно прихрамывающую, к джипу, увидев который, она воскликнула:

– Это же машина Юрия Федоровича?

– Ну да, он мне дал ее на то время, что я у вас тут в санатории лечусь, – объяснил Гуров.

– Так я там все перепачкаю, – испугалась она и предложила: – Давайте я хотя бы плащ сниму, все же почище будет.

– Кто это на вас напал? – спросил он, когда, следуя ее указаниям, вел машину к ее дому: он оказался буквально рядом.

– Не знаю, – растерянно ответила она. – Они еще вчера пытались ко мне подойти, но со мной Митенька был, точнее, его водитель вмешался, вот они и ушли.

– Это Дмитрий Николаевич Щербаков? – уточнил Гуров.

– Вы и его знаете? – удивилась она.

– Нет, я с его отцом знаком, – объяснил он.

Уставленная всевозможными цветами, однокомнатная квартира Елены дышала старомодным уютом, а результаты ее страсти к вязанию и вышиванию были видны на каждом шагу: кружевные салфеточки, дорожки и занавески на окнах были сделаны явно вручную, а на стенах в рамках висели вышивки. Одним словом, человеку со схожими вкусами показалось бы, что он попал в рай.

– Я сейчас чай поставлю, – сказала она. – А еще у меня пирожки есть. С капустой.

– Лена, вы лучше сначала покажите мне свою ногу – я немного спортом занимался и в травмах более-менее разбираюсь, а то вдруг вам к врачу надо, – предложил Гуров. – И не надо смущаться, я сейчас не мужчина, а что-то вроде врача.

Оказалось, что с ногой ничего страшного не случилось, и, промыв ссадины на ней и на лице перекисью водорода, они сели пить чай – пироги были выше всяких похвал.

– Как вы думаете, Лена, кто это на вас напал? – спросил Гуров.

– Не знаю, – пожала плечами она.

– Но враги какие-нибудь, недоброжелатели у вас есть? – настаивал он.

– Да нет вроде, – сказала она и потупилась, а на глазах выступили слезы.

Решив, что где-то здесь поблизости и зарыта собака, Лев Иванович начал мягко увещевать девушку:

– Лена, я все-таки следователь и, как говорят, не самый плохой. Да и жизненный опыт у меня побольше вашего, так что не надо от меня ничего скрывать. Что случилось?

– Меня жених бросил, – прохлюпала она.

– А кто у нас жених? – участливо спросил Гуров.

– Гордеев Иван Александрович, – сказала она и, быстро подняв голову, принялась его оправдывать: – Вы не думайте, Ванечка хороший. Просто он ничего не понял, вот и вспылil...

Услышав это имя, Гуров удивленно уставился на Лену. Дело было в том, что Гордеев, в определенных кругах именуемый Гордеем, был личностью неоднозначной. Двухметрового роста мужик, силы немереной, он начинал в лихие 90-е с братков, но сумел не только уцелеть в той кровавой мясорубке, но и постепенно собрал вокруг себя людей, поднялся и сейчас являлся одним из крупнейших, если не самым крупным, в области бизнесменом. От криминала он уже лет десять как отошел, но свою команду не распустил, а создал на ее основе частное охранный предприятие, так что в трудную минуту мог мгновенно поставить под ружье человек пятьдесят бойцов, а это заставляло его недоброжелателей очень крепко подумать, прежде чем попытаться выступить против него.

В той же истории двухгодичной давности, просеивая через частое сито всех, кто только мог быть к ней причастен, Гуров изучил досье и на Гордеева. Брали его трижды, и трижды его адвокат Симанович, причем самый лучший, а значит, и самый дорогой в городе, имевший безупречную репутацию, его дело успешно разваливал до основания так, что тот даже свидетелем не проходил. Гуров еще тогда удивился, откуда у простого братка, а именно таковым Гордеев и был, когда его в первый раз взяли, деньги на такого адвоката. А в четвертый раз, когда все недвусмысленно указывало именно на Гордея, вдруг, откуда ни возьмись, появился человек и, написав чистосердечное признание, взял все на себя. И опять Симанович отличился – дали преступнику ниже низшего предела.

Словом, дела вокруг Гордеева творились непонятные, но в конечном итоге именно его команда и помогла выйти на след гастрологов. Те, не разобравшись, что к чему, грабнули контору в принадлежавшем ему крупном сельскохозяйственном предприятии, находившемся как раз недалеко от границы с Казахстаном, куда супостаты и смылись с очень немалой добычей. Гордей скомандовал «фас», его подчиненные рванули по следу, и криминальная жизнь Левобережья замерла – кому же охота с самим Гордеем связываться. Методы, которыми работали люди Гордеева, были далеки от законности, но зато эффективны, что и позволило выйти на наводчика. К чести Гордеева надо сказать, что беспредела он не допустил, а передал информацию кому следует, то есть самому Гурову, который и возглавлял следствие, потом они были хоть и немного, но лично знакомы. Ну а дальше – дело техники: чтобы не заморачиваться с дипломатическими тонкостями, гастрологов выманили на территорию России, где и взяли. Большую часть награбленного смогли вернуть, в том числе и Гордееву, так что если он и понес материальные потери, то не очень большие.

– Расскажите мне все с самого начала, – попросил Гуров.

– Понимаете, ко мне вчера Митенька на работу заехал. У него такое горе. Его друг бросил, – начала Елена.

– Я знаю о его пристрастиях, – вставил полковник Гуров.

– Вот он и приехал ко мне поплакаться – его же никто не понимает, не жалеет, никто ему, кроме меня, не посочувствует. Мы из офиса на улицу вышли и к машине направились, а тут эти двое. Ой, у них такие неприятные лица были! – Она передернулась от этих воспоминаний. – Митенька даже попятился, когда их увидел. А тут Геночка...

– Это водитель? – уточнил Гуров.

– Ну да. Так вот, Геночка из машины вышел, а он знаете какой здоровый? Почти как мои братья. Вот эти двое и ушли. Мы ко мне поехали, сели тут на кухне чай пить, и вдруг такой бешеный стук в дверь раздался. Я в глазок посмотрела, а это Ванечка. Я ему дверь открыла, и он влетел, весь красный, глаза бешеные, а как туфли и плащ Митеньки увидел, начал кричать. Ой, Лев Иванович! – Она даже за щеки схватилась. – Меня никогда в жизни никто так не называл. Такого о себе наслушалась. Я пыталась ему все объяснить, но он мне и слова вставить не дал. А потом как дверь хлопнет. Даже штукатурка посыпалась, – пожаловалась она. – Я так плакала, так плакала... Митенька тут же обо всех своих неприятностях забыл и начал меня утешать. Потом он уехал, а я маме позвонила сказать, что меня Ванечка бросил, и мы еще вместе с ней поплакали. А сегодня я на работу пошла, и эти двое на меня напали. Вы не думайте, я сильная, только они так неожиданно на меня бросились и как-то так меня скрутили, что я ничего сделать не могла. Спасибо вам, что вы меня спасли, а то не знаю, что со мной бы было.

– Как я понял, Иван Александрович ничего о Дмитрие не знает? – спросил Гуров.

– Ну да. У Ванечки такие взгляды на жизнь, что он не одобрил бы нашу дружбу, вот я ему ничего и не говорила, – призналась она и вздохнула: – Наверное, надо было сказать ему раньше, да что уж теперь... – И у нее по щекам беззвучно потекли слезы.

– Но вы же могли ему позвонить и все объяснить? – удивился полковник.

– Я пыталась, но он меня, наверное, в черный список занес, потому что я так и не смогла до него дозвониться, – прохлюпала она и с надеждой уставилась на Гурова. – Что же мне теперь делать?

– Я думаю, что вам лучше всего на время уехать к родителям, – предложил Лев Иванович. – Работа позволяет? – Она покивала. – Федор говорил, что у вас четыре брата, так что там вы будете в безопасности, а я пока здесь разберусь, кто это на вас напал и почему. Вот только цветы ваши...

– Да-да, вы правы! – покивала она ему. – А цветы Митенька поливать будет, у него ключ есть. Только... Я так боюсь из дома выходить. А вдруг они на меня опять нападут? – Ей было действительно страшно.

– Давайте я вас к родителям отвезу, а потом вернусь, – предложил Гуров.

– Ну что вы. Я вам и так столько хлопот доставила, – запротестовала Елена.

– Честно говоря, я ведь и сам хотел с вами встретиться, – признался Лев Иванович. – Мне Воронцовы обещали нас познакомить.

– Зачем? – От удивления у нее даже слезы высохли.

– Мне к вашей бабушке надо, – объяснил он

– Приболели? – участливо спросила Елена.

– Есть немного. Поджелудочную прихватило. – И Гуров приложил руку к левому боку.

– Ой, ну тогда совсем другое дело, – обрадовалась Елена. – Конечно же, я вас к ней прямо сегодня же отведу.

– Сколько нам ехать? – поинтересовался Лев.

– По хорошей погоде – часа четыре, а сейчас – не знаю, – честно призналась она.

– Собирайтесь, – предложил ей Гуров. – Чем скорее отправимся, тем быстрее я вернусь в город, чтобы заняться вашим делом.

Обрадованная Елена бросилась переодеваться и собирать сумку, а оставшийся на кухне Гуров, размышлял о превратностях судьбы, а именно: что могло связывать чистую, добрую, наивную, доверчивую и домашнюю Лену и битого-перебитого жизнью Гордея? И потихоньку отщипывал от пирога по кусочку и остановился только тогда, когда с изумлением обнаружил, что тарелка пуста. «Неудобно-то как, – смущенно подумал он. – Но ведь когда еще доведется такую прелесть попробовать». Появившаяся в кухне Елена при виде пустой тарелки радостно улыбнулась:

– Понравилось?

– Необыкновенно вкусно, – искренне сказал Гуров.

– Я нам сейчас в дорогу покушать соберу, – пообещала она и захлопотала.

– Зачем? – удивился он.

– Меня мама всегда учила: собираешься в дорогу на день, бери продуктов на три – мало ли что случиться может, – обстоятельно объяснила Елена.

– Но я ведь все съел, – смущенно сказал он.

– Да что вы! У меня еще есть, с мясом, – отмахнулась она.

Елена достала из шкафа еще один пирог, нарезала его, тщательно упаковала, заварила и залила в большой термос чай, а в большую пятилитровую бутылку – воды из-под крана, сложила все это и салфетки в отдельный пакет. Гуров смотрел на нее и радовался, какая же она хозяйка замечательная, жена из нее получится – цены нет, и ведь любит такого типа, как Гордей.

– А вода-то нам зачем? – спросил он.

– На всякий случай, – удивленно ответила она.

Елена прихватила еще и сумку со своими вещами, и они отправились в путь.

Как только они выехали за город, Гуров остановился и, достав свой сотовый, в котором стараниями заботливого Воронцова была местная сим-карта, попросил Елену сказать ему номер телефона Гордея. Девушка тяжело со всхлипом вздохнула и продиктовала. Тот ответил немедленно.

– Гордей? – сказал Лев. – Гуров моя фамилия.

После секундного замешательства раздался удивленный голос:

– Здравствуй, Лев Иванович. Если ты по мою душу, то напрасно, я уже давно не при делах.

– Знаю и звоню по совершенно другому поводу, – успокоил его Гуров.

– Помощь какая нужна? – недоуменно поинтересовался Гордей. – Так в области вроде все спокойно.

– Поинтересоваться хочу: тебе такое имя, как Дмитрий Николаевич Щербаков ничего не говорит? – спросил Лев Иванович.

– Погоди, – Гордей на секунду задумался. – Да нет, Николай Ильич Щербаков – это да, председатель областного суда. А вот Дмитрий...

– Это его сын, – объяснил Гуров.

– А-а-а. Понял я, о ком ты. Слышал о таком. Но никаких дел с подобными субъектами не имею, – неприязненно заявил он. – Если мне баба потребуется, то я бабу и найду, а не этого... Ну, не знаю, как попримечнее выразиться.

– То есть о его нетрадиционной сексуальной ориентации ты знаешь? – уточнил Гуров.

– Ни для кого не секрет, – буркнул Гордей.

– А ведь это именно он вчера у Елены и был. Они еще с института дружат, все пять лет рядышком просидели, – ласково объяснил ему Лев Иванович.

– Ты чего несешь? – растерялся Гордей. – Так это что же получается?.. Он ей что, подружка, что ли?

– Вот именно. Подружка, – подтвердил Гуров.

– Чего же она молчала? – взревел Гордей. – Могла бы ведь русским языком все объяснить.

– А ты ей хоть слово вставить дал? – невинно поинтересовался Лев Иванович и напомнил:
– Ты ее с грязью смешал и дверью хлопнул.

– Но раньше-то она ничего про него не говорила, – начал оправдываться Гордей.

– Боялась, что ты их дружбы не одобришь, – объяснил Гуров.

– Твою мать! – заорал тот, а потом спросил: – Она с тобой рядом?

– Рядом, но телефон я ей не дам, – решительно заявил Гуров. – Или ты ей еще не все гадости сказал?

– Да о чем ты говоришь? Я ж извиниться хочу! – взревел Гордей.

– Считаю, что я твои извинения ей уже передал, только не простит она тебя. Да таких, как она, сейчас уже даже днем с огнем не найдешь. Чистая, добрая, работающая, тебя, дурака, любит. А ты ее последними словами, – добивал его Гуров и с сожалением в голосе посоветовал:
– Так что вспоминай теперь о том, что была такая в твоей жизни, и попытайся найти хоть отдаленно на нее похожую, только это вряд ли.

Гуров выключил телефон, в котором еще раздавались крики Гордеева, и убрал его в карман.

– Лев Иванович, а почему вы мне не дали с Ванечкой поговорить? – обиженно спросила Елена.

– Пусть помучается. Будет знать в следующий раз, как на вас орать. Дайте мне свой телефон, – практически потребовал Лев Иванович. – А то ведь он сейчас позвонит, и вы ответите. И вся моя воспитательная работа пойдет насмарку.

Словно услышав Гурова, в сумке Елены зазвонил ее сотовый.

– Дайте сюда, – повторил он. – Поверьте, я знаю, что делаю.

Поколебавшись, Лена со вздохом все-таки отдала ему свой телефон.

– Ванечка теперь мучиться будет. Переживать, – грустно сказала она.

– Ему это только на пользу. Ну что, поехали дальше?

Вообще-то, этим звонком Гуров хотел не только объяснить Гордееву, как тот ошибся в Елене, но преследовал и другую цель, о которой девушке пока знать не следовало, – не рук ли Гордея эти нападения, вдруг он решил ей так отомстить? Лев Иванович не стал включать радио – ерунду, которую обычно передавали, он на дух не переносил, – и попросил Лену рассказать ему что-нибудь. А о чем могла говорить такая девушка, как она? Только о своей семье. И сделал он это специально, чтобы уже сейчас попытаться понять, не враги ли этой семьи инициировали ее похищение, а в том, что это была именно попытка похищения, а не просто нападение, он ни секунды не сомневался, потому что уж в чем, в чем, а в этом Гуров разбирался. Как он и предполагал, она начала говорить о своих родных. Очень скоро полковник знал уже всю подноготную семьи Задрипкиных-Ведерниковых.

Отца звали Василий Семенович, мать – Анфиса Сергеевна, а имена братьев, их жен и детей Гуров даже запомнить не пытался – вряд ли пригодится. Вся эта большая семья занималась фермерством, и хозяйство у них было, как и говорили Воронцовы, не только большое, но и богатое, потому как они и сами вкалывали с утра до вечера, и работников, хоть и немногочисленных, таких же нанимали. Когда средства позволили, выстроили они себе большой дом со всеми удобствами, где все вместе и жили, причем совсем не в тесноте.

Еще в доме жила кошка Бандитка благородных помоечных кровей, которая целиком и полностью оправдывала свою кличку, потому что отличалась совершенно неукротимым характером. Выдержав в своем котеночьем детстве неравную схватку с крысой, она вышла из нее победительницей, оставив, правда, на поле битвы половину уха и кончик хвоста, что не мешало ей пользоваться оглушительным успехом у всех окрестных котов. С тех пор Бандитка объявила всем без исключения грызунам войну до полного истребления, чем еженощно и занималась. Правда, доставалось от нее и птицам, так что вольер для кур был огорожен сеткой-рабицей не только со всех сторон, но и сверху. Даже сейчас она, хоть и выхаживала свой выводок, но

на охоту выходила регулярно и очень успешно, каждое утро демонстрируя хозяевам несколько задушенных крыс или мышей, за что с плохо скрываемым удовольствием выслушивала совершенно заслуженные дифирамбы Анфисы Сергеевны и других женщин – мужчины в семье были сдержанны и чувств своих напоказ не выставляли.

Сам дом охраняла Найда, огромный серый волкодав, чей большущий вольер стоял недалеко от крыльца – в этой семье все было огромным, под стать мужикам. Единственный человек, которого она беспрекословно слушалась, был Василий Семенович, а всех остальных просто снисходительно терпела, как принадлежащее хозяину одушевленное имущество вроде кур, поросят, коров и прочей живности. Днем она всегда была внутри, и хозяин выпускал ее только ночью, чтобы она могла свободно, не на цепи, побегать по двору, и без намордника, что начисто отбивало у всяких проходимцев охоту позариться ни чужое добро. У Найды, как у всякой чистопородной собаки, имелся официальный «муж» по кличке Витязь, кобель уже вовсе устрашающих размеров, к которому Василий Семенович ее регулярно возил, причем расплачивался не щенком, а деньгами, чтобы снова не ездить и не отрываться от хозяйства. Сейчас же Найда тоже выхаживала своих детей и постоянно переругивалась с Бандиткой, котята которой уже подросли и в поисках приключений постоянно вылезали на крыльцо, а заботливая, несмотря на буйный нрав, мама-кошка утаскивала их обратно, шипя в ответ на оскорбления собаки-соседки. Естественно, что ее чистопородные щенки в наше беспокойное время были в большой цене и хоть стоили очень дорого, но, судя по отзывам тех, кто их купил, деньги эти вполне оправдывали и люди на них записывались заранее.

Бабкой же травницей оказалась Полина Николаевна, мать Анфисы Сергеевны, старуха с действительно очень крутым нравом, из зажиточной семьи, державшая всех, включая ныне покойного мужа, под каблуком. Когда-то давно она была категорически против брака своей единственной красавицы-дочери с голодранцем Задрипкиным, который красотой как раз не отличался, но зато был здоров как медведь да и габаритами ему мало уступал. Анфиса с отцом и Василий ее все-таки уклоняли, и она скрепя сердце дала согласие на брак, но предупредила будущего зятя, что если дочь на него хоть раз пожалуется, то проклянет она его страшным проклятием. А поскольку, по общему мнению, знахарки с ведьмами мало чем отличаются друг от друга, Задрипкин воспринял это всерьез. Василий, который до сих пор без памяти любил свою жену, из кожи вон лез, чтобы доказать теще, что не зря она ему когда-то поверила: смолodu ломил за троих, работая от рассвета до заката, так что прожила Анфиса за его спиной, как королева. Но несмотря на это, внуков своих Полина Николаевна не больно-то жаловала – в отца ведь пошли, что лицом, что фигурой, но вот когда родилась внучка, да еще копия Анфисы, сердцем смягчилась. Она хоть после смерти мужа и осталась одна, но в дом к зятю переезжать отказалась, и жены внуков постоянно бегали к ней, чтобы прибраться и покушать приготовить. Единственное, что ее огорчало: что уйдут ее знания вместе с ней, потому что еще в маленькой Елене разглядела, что нет и не будет в девочке никаких способностей к знахарским делам, а людей старуха видела насквозь.

Как бы мимоходом, Гуров завел разговор об охоте и, выяснив, что у всех мужчин в доме имелись ружья, да еще не по одному, а стрелять из них и женщины были обучены, успокоился окончательно.

Счастье великое, что все это Гуров узнал, пока они еще ехали по тому, что с большой натяжкой можно было назвать трассой, потому что, когда они с нее съехали, стало уже не до разговоров.

Гуров умел ругаться – жизнь научила, но делал это редко. И можно сказать, крайне редко, только тогда, когда этого требовало дело или выходил из себя так, что сил сдерживаться уже не было. Это и был тот самый второй случай – дорога была такая отвратная, что приличных слов не нашел бы и доктор филологических наук. Вслух Лев Иванович все-таки ничего не произносил, а ругался беззвучно, что называется, себе под нос. После прошедшего ночью силь-

ного дождя, заполнившего ямы водой, ехать приходилось очень медленно, передвигая колеса машины практически вручную, потому что под любой лужей могла скрываться такая ямища, что попади туда машина, без посторонней помощи не выбраться и пришлось бы идти за трактором. К довершению их бед снова начался дождь, и ехали они, точнее, тащились вперед с черепашной скоростью.

Но это их не спасло и они застряли. Хорошо, что, как выяснилось, Елена с детства умела водить не только легковую машину, но и все, что движется на четырех колесах – в этой семье сызмальства работали все, – и Гуров посадил ее за руль. Сам же он в своих моднящих ботинках вылез из машины и попал прямо в жидкую и холодную грязь. Попытка найти в багажнике резиновые сапоги, перчатки, лопату или еще хоть что-нибудь, что помогло бы в данной ситуации, успехом не увенчалась – видимо, Воронцову никогда не приходилось ездить по таким дорогам, а исключительно по асфальту. А то, что Гуров отправится черт знает куда по бездорожью, Юрию Федоровичу и в голову прийти не могло. Лев попытался было вытолкнуть машину, но безрезультатно, и пришлось ему подкладывать под колеса все, что только смог найти на обочине – благо, всякого мусора там хватало, но этого оказалось недостаточно. Тогда он стал выдирать голыми руками с корнем буйно разросшиеся сорняки, ободрав себе ладони в кровь. Ноги он, естественно, промочил, да и сам вымок до нитки.

Когда они все-таки выбрались, тут-то вода и пригодилась, чтобы хоть немного руки отмыть, а в аптечке нашелся йод, которым Елена беспощадно обработала ему руки, как он ни сопротивлялся. Они решили воспользоваться этой передышкой, чтобы немного отдохнуть и перекусить, хотя из-за работавшей на полную мощность печки ароматы внутри от сохнувшей прямо на теле одежды и обуви витали соответствующие. Конечно, можно было, извинившись перед Еленой, снять туфли и дальше вести машину в носках, но не зная, что еще их ждет впереди, Гуров от этой мысли отказался. И, как показало самое недалекое будущее, оказался прав, потому что вылезти ему пришлось, хоть и один только раз.

Поев, они отправились дальше, и когда приближались к явно подозрительному месту, Елена, благо, в ее вещах были сапоги – девушка она была предусмотрительная и знала, какая дорога им предстоит, – отправилась на разведку, чтобы проверить, что впереди, так что вымазались оба, как черти.

Когда же они, проехав райцентр, направились в сторону деревни родителей Елены, дорога оказалась до того ужасной, что вся предыдущая казалась паркетом.

– Лена, мне Юрий Федорович говорил, что к вашей бабушке постоянно очень непростой народ ездит, так что же они не могут нормальную дорогу сделать? – возмутился Гуров.

– Так богатеи эти на своих машинах и так проезжают, а летом они на катерах приплывают – деревня-то наша на берегу речки стоит, а некоторые даже на вертолете прилетали. Ей-богу, так и было, – девушка даже перекрестилась, чтобы подтвердить истинность своих слов.

Ох, и дорого обошелся им этот недолгий разговор: потому что отвлекшийся от дороги Гуров не обратил должного внимания на небольшую с виду лужу, которая оказалась залитой водой ямой. Тут-то они снова и застряли, и все их злоключения повторились. К счастью, большую ямищу недалеко от въезда в деревню, через которую, по словам Елены, люди ездили только с молитвой, кто-то засыпал щебенкой, так что хоть здесь им повезло. В результате они провели в дороге не четыре часа, а все шесть.

Но всякая дорога, даже самая отвратительная, когда-нибудь да кончается. Они остановились у больших железных ворот стоявшего на окраине деревни и видимого над высоким забором большого дома, и Гуров предложил:

– Лена, давайте не будем волновать ваших близких и скажем, что на вас просто напали хулиганы, от которых я вас так неудачно защитил.

– Да что ж вы такое говорите, Лев Иванович! – запротестовала она. – Неудачно! Да что бы со мной было, если бы не вы? И потом, ведь все так и было. Хулиганы на меня и напали.

– Так, да не так, Елена, – возразил ей Гуров. – Я думаю, что вас пытались похитить – зачем бы иначе они вас в машину тащили?

– Ой! А я об этом и не подумала. – От испуга девушка побелела как мел.

– Все страшное уже позади – в вашем родном доме найдется кому вас защитить, – успокоил ее полковник и пообещал: – А я, как в город вернусь, тут же займусь этой историей.

Гуров посигналил и тут же раздался оглушительный и разъяренный лай собаки, потом открылась калитка, и к ним вышел высоченный мужик с крайне неприветливым выражением тяжелого простецкого лица и грубо спросил:

– Чего надо?

– Папа! Это я! – крикнула Елена из окна машины.

– Ты? Чего ж не предупредила? – разом меняя тон, удивился он, а потом, разглядев ее лицо, спросил: – Значит, этот гад тебя не только бросил, так еще и избил. И после этого у него, паразита, наглости хватило сюда явиться? Да я же его голыми руками на куски порву, – угрожающе проревел он, направляясь к дверце водителя, то есть к Гурову.

«А что? Этот может», – подумал Лев.

– Нет, это не Ванечка. За рулем не Ванечка. Это полковник полиции Лев Иванович Гуров. Просто на меня хулиганы напали, а Лев Иванович меня не только защитил, но и сюда привез, – закричала она, выпрыгивая из машины.

– И точно не он – на фотках-то совсем другой был, – растерянно сказал отец Елены. – Ну, извини, мужик. Надо же, настоящий полковник, – от удивления он даже головой pokrutil. – А за дочку спасибо.

– Бывает, Василий Семенович, – сказал Гуров, выходя из машины и протягивая руку.

– Откуда меня знаешь? – вытаращился тот.

– Да Елена дорогой мне о вашей семье рассказывала, – объяснил тот.

– А нам о Льве Ивановиче в институте рассказывали, – похвалилась Елена. – Он человек в милиции... То есть в полиции, – поправилась она, – известный. А сейчас ему к нашей бабушке надо.

– Не проблема. Завтра отведем – сегодня-то уж куда? Поздно. Не молоденькая она у нас, – пообещал ее отец и тут он, увидев туфли Гурова, невольно воскликнул: – Да кто ж по нашим дорогам в таких башмаках ездит?

– Времени переобуваться не было, Василий Семенович, – развел руками Лев Иванович.

– Сгубил же обувь вконец, – покачал головой тот и предложил: – Ты машину во двор загоняй.

Он пошел открывать ворота, а Елена бросилась в калитку – не иначе как предупредить в доме, какой гость к ним прибыл.

Гуров въехал во двор и вышел из машины. Весь их разговор происходил на фоне непрекращающегося лая собаки, и теперь Гуров ее увидел – это было нечто. Назвать ее собакой язык не поворачивался, это была собачица, у лап которой крутились крупные щенки.

– Серьезный зверь. Я даже не думал, что такие огромные бывают, – сказал Гуров Василию Семеновичу.

Они наконец-то вошли в дом. Елена, видимо, уже убежала в свою комнату приводить себя с дороги в порядок, а Гуров при виде сиявшего, как яичный желток, пола остановился. Увидев стоявшие на грубом домотканом половике возле двери вымазанные грязью до самого верха голенища сапоги Елены, он стал разуваться прямо на нем. Оставшись в носках, он не знал, что делать дальше – носки были ничуть не чище туфель и перемазали бы пол так же, как и те. Уже немолодая, но все еще очень красивая женщина, судя по сходству, мать Елены, заметив его мучения и неприглядный вид, только руками всплеснула.

– Ой, Левушка! – по-домашнему воскликнула она. – Да как ты вымок-то! Я сейчас тебе сухонькое принесу и ты переоденешься. А там и баньку затопим, чтобы ты согрелся.

– Да не беспокойтесь, Анфиса Сергеевна, – отказался он и попросил: – Лена сказала, что у вас душ есть, так я под горячим постом и все обойдется.

– Так пойдем, я тебе покажу, где он у нас. Я тебе чистенькое и полотенца на стульчик положу, а вещи свои ты за дверь выбрось. Я их и постираю, и выглажу потом.

– Не надо, Анфиса Сергеевна... Неудобно же. Им просто высохнуть надо и все! – отби-
вался он.

– Не спорь со мной, Левушка, – попросила она. – Мне для хорошего человека нетрудно. Да и какой труд-то? Машина стирает, не я. Это не прежние времена, когда я на всю свою семью одна горбатилась.

Гуров устал так, что играть дальше в политес сил у него уже не оставалось, и он сдался. Выложенная кафелем душевая была самая настоящая, и он долго стоял, с наслаждением прогреваясь под горячей водой, а когда открыл дверь, увидел, что, кроме большого банного полотенца и толстых, колючих «бабушкиных» носков, там лежала одежда таких богатырских размеров, что только покачал головой. Одевшись, он оглядел себя и хмыкнул – впечатление было такое, как если бы ребенок надел отцовский костюм. Он закатал рукава и брючины, надел носки, в которых ногам сразу стало тепло и уютно, и в таком виде появился в комнате, где уже был накрыт большой стол, вокруг которого собралось, как он понял, все это немалое семейство, включая женщин и ведших себя на удивление спокойно разновозрастных детей. Взглянув на братьев Елены, Гуров вспомнил, как Федор сравнивал их с железобетонными плитами перекрытия, и понял, что преувеличением это не было: мужики в этой семье были настоящими гигантами, причем самым мелким из них был сам отец – вот она, акселерация в действии.

– Ты что, мать, ничего поменьше для гостя не нашла? – сварливо спросил отец семейства.

– Да я и так ему Лешкин спортивный костюм дала, который тот еще в школе носил, – оправдывалась та.

Гуров сел за стол, и Василий Семенович взял графин, чтобы разлить по рюмкам какую-то явно домашнюю настойку или самогон. Гуров накрыл свою рюмку и на вопросительный взгляд хозяина молча ткнул себя пальцем в левый бок.

– Желудок? – спросил тот.

– Поджелудочная, – объяснил Гуров.

– Один черт! – отмахнулся хозяин. – Не бойся, это лечебная, она тебе не повредит. Теща моя ее готовит. Она у нас знахарка знатная, тебя быстро вылечит, она и раковых на ноги ставит, если вовремя обратиться.

– Все равно рисковать не буду, – отказался Лев Иванович.

– Ну, как знаешь, – не стал настаивать Василий Семенович. – Тогда бери со стола что тебе по нраву и не стесняйся.

Гуров был голоден как волк, но клал себе на тарелку только то, что, как он считал, ему не повредит, с тоской думая о том времени, когда лопал все подряд, не заботясь о последствиях. Разморившись от тепла, он тихо мечтал о том, чтобы поскорее лечь спать, когда раздался бешеный лай Найды.

– Это кого же нелегкая принесла на ночь глядя? – удивился отец.

Он поднялся и вышел с одним из сыновей, но почти тут же вернулся и, сорвав со стены ружье, бросился во двор, а Анфиса Сергеевна и остальные сыновья – следом за ним. «Вот только перестрелки мне не хватало!» – подумал Гуров и выбежал следом. Не сказать чтобы увиденная им картина леденила кровь, но последствия могли быть самыми печальными. В вольтере, не обращая внимания на щенков, бесновалась Найда, которая, почувствовав, что пришел враг, рвалась в бой. На высоком крыльце, с которого было видно все, что происходило за воротами, стоял Василий Семенович и держал на прицеле Гордея, за спиной которого стояли три джипа, а охрана, явно повинувшись команде хозяина, держалась в стороне. За спиной

же Василия Семеновича стояла Анфиса Сергеевна, заливаясь слезами и прижав руки к груди, уговаривала мужа:

– Отец! Васенька... Родной мой, любимый ты мой... Опустит ружье. Христом богом тебя прошу. Не пачкай ты об него рук, не бери греха на душу! Посадят ведь тебя, а то и убьют! Что мы тогда все делать будем? Пропадем же мы без тебя! По миру пойдем. Погибнем...

Причитать-то она причитала, но и пальцем до него не дотронулась, понимая, что в такой момент одно неосторожное движение – и может грянуть выстрел.

Наконец, наконец, успокоившись, Василий Семенович опустил ружье и, откашлявшись, угрожающим тоном хрипло сказал:

– Вали отсюда подобру-поздорову, пока цел.

– Не поговорив с Аленушкой, я никуда не уйду, – твердо заявил Гордей.

– Ах ты, разговорчивый какой нашелся, – заорал хозяин. – Сначала с грязью ее смешал, а теперь приехал разговоры разговаривать? Да я тебя, гада, в бараний рог согну!

– Батя. Ну, дай ты мне хоть извиниться перед ней по-человечески! – попросил Гордей.

– Нашел батю! Родственничек! – бушевал Василий Семенович. – Так бы и врезал тебе.

– А ты врежь, – предложил Гордей.

– И врежу! – пригрозил хозяин.

– И врежь.

– Допросишься сейчас Уже допросился! – заявил дошедший до точки кипения Василий Семенович.

Отставив ружье, он спустился с крыльца, взял стоявшую возле него лопату и бесстрашно вышел за ворота. Подойдя к Гордееву, он размахнулся и врезал ему черенком лопаты по спине – тот даже не дрогнул, тогда Задрипкин ударил второй раз, но с тем же успехом. Он замахнулся в третий, но тут Гордей сказал:

– Будет, батя. Пар выпустил и хватит.

– Паразит ты, – уже более спокойным тоном сказал Василий Семенович. – Черт с тобой. Пошли в дом! Только, прежде чем с Еленой встретишься, ты с нами поговоришь.

Охрана Гордея осталась на улице, а сам он прошел вслед за хозяином во двор, где при виде Найды невольно остановился и присвистнул:

– Ну и зверь! Кутенка не продашь?

– Расписаны уже и аванс взят, так что губы не раскатывай! – охладил его хозяин.

В столовой ни женщин, кроме Анфисы Сергеевны, ни детей уже не было, сидели только братья Елены, и стол был накрыт заново. Увидев Гурова, Гордей подошел к нему и протянул руку:

– Спасибо тебе, Лев Иванович. Если бы не ты, так и не понял бы я, что к чему.

– И тебе не болеть! – сказал, как обычно, Гуров.

– Садись, Ванечка. Покушай с дороги, – радушно пригласила гостя Анфиса Сергеевна. – И на Василия Семеновича ты не сердись – уж очень он дочку нашу любит.

– Ты скажи лучше, Иван, как ты умудрился так дочку мою обидеть? – не удержался и все-таки влез в разговор Василий Семенович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.